

УДК 94(367)(437)(47)025

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/5

ЗАПАДНЫЙ ВЕКТОР КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО СЛАВЯНСТВА И РУСЬ В X в.*

Д.И. Польшванний

Ивановский государственный университет
Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39
E-mail: dipol53@mail.ru

Авторское резюме

На основе представления о развитии круга последователей свв. Кирилла и Мефодия как сообщества (кирилло-мефодиевского славянства) в статье рассмотрены некоторые черты развития на протяжении X в. в чешских землях традиций, заложенных солунскими братьями и их учениками в Моравии и Болгарии. Рассматриваются взаимоотношения между славянским духовенством греческого и латинского обрядов и их римскими, немецкими и чешскими собратьями; использование авторитета славянских учителей для создания династической и государственной идеологии первых чешских государей из династии Пшемислов; взаимодействие кирилло-мефодиевских и местных славянских традиций в развитии раннесредневековой чешской культуры. Эта задача решается в сопряжении с частной темой ранней встречи кирилло-мефодиевской традиции с русью. Последнее понятие в контексте статьи обозначает не Древнерусское (Киевское) государство, а одно из сообществ, участвовавших в его образовании в X в. и передавшее ему свое имя. Христианизированная купеческая русь, идентифицировавшаяся в среде восточного славянства и использовавшая славянское койне в осуществлении своей профессиональной деятельности, могла на этой почве вступать в чешских землях, в особенности в Праге, во взаимодействие с носителями славянских церковных традиций, восходящих к свв. Кириллу и Мефодию. При таком подходе отчасти заполняется длительная цезура в истории кирилло-мефодиевской традиции за пределами средневековой Болгарии. Как правило, бытование славянской книжности, церковного языка и богослужения в Хорватии, Польше и Венгрии рассматривается в ретроспекции, через призму антиславян-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Историзм, историческая культура и историописание в болгарской книжности Средневековья и раннего Нового времени», № 17-01-00302.

ской и антиправославной полемики, усилившейся в обстановке раскола Западной и Восточной церквей в середине XI в., и последовавших в его контексте обоюдных инвектив. Комплексное исследование кирилло-мефодиевского славянства X в. на материале чешских, хорватских, венгерских и польских земель, несмотря на ограниченность источниковой базы, может представить в новом свете важнейший сегмент христианской культуры Европы раннего Средневековья и его ранние взаимодействия с Древней Русью до ее крещения.

Ключевые слова: кирилло-мефодиевское славянство, Болгария, Чешское княжество, Русь, Кристианова легенда, Сказание о русской грамоте.

THE WESTERN VECTOR OF THE CYRILLO-METHODIAN SLAVDOM AND RUS IN THE 10TH CENTURY*

D.I. Polyvyanny

Ivanovo State University

39 Ermak Street, Ivanovo, 1530235, Russia

E-mail: dipol53@mail.ru

Abstract

The author defines the Cyrillo-Methodian Slavdom as a community of St. Cyril and St. Methodius's followers and describes the holy brothers' heritage in the Czech lands in the 10th century, with the focus on the relationships between the Cyrillo-Methodian Slavonic clergy of Latin and Greek rites and their Roman, German and Czech brethren. The author also discusses the use of the Slav Apostles' authority for shaping dynastic and state ideology of the first Czech Přemyslide princes as well as the interactions between the Cyrillo-Methodian and local traditions within the early medieval Czech literature. This task is carried out in association with a particular topic of an early meeting between the Cyrillo-Methodian tradition and Rus', under which the author means not the Old Rus' (Kievan) state, but one of the communities that participated in its formation in the 10th century and shared its name with the state. The Christianised merchants' Rus as identified by Eastern Slavs used the Slavonic argo in its professional

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project "Historicity, historical culture and historical writing in Bulgarian literature of the Middle Ages and Early Modern times" (Nr. 17.01.00302).

activities and could interact in the Czech lands, especially in Prague, with the followers of Slavonic church traditions ascending to St. Cyril and St. Methodius. The above mentioned approach enables to partially fill the long caesura in the history of the Cyrillo-Methodian tradition outside the medieval Bulgaria. The development of the Slavonic literature, church language and service in Czech, Croatian, Hungarian and Poland is usually considered retrospectively against the background of anti-Slavonic and anti-Orthodox polemics and mutual invectives, which followed the split between the Eastern and Western churches in the middle of the 11th century. Though limited in sources, the complex research of the Cyrillo-Methodian Slavdom of the above mentioned lands in the 10th century can shed additional light upon this most important segment of the European Christian culture of the early Middle Ages and its connections with Old Rus' before the official adoption of the Christianity.

Keywords: Cyrillo-Methodian Slavdom, Bulgaria, Czech Principality, Rus', Christian's Legend, Tale on the Russian Letters.

Существенную часть мировой кирилло-мефодиевской библиографии составляют работы, посвященные начальному этапу распространения славянского церковного языка, письменности и богослужения в раннесредневековых государствах, формирование которых происходило в X в., – Хорватии, Чехии, Польше и Древней Руси. Вместе с тем одним из распространенных в научной литературе представлений является «линейная» схема передачи наследия славянских учителей от диоцеза св. Мефодия к Первому Болгарскому царству (886) и от него к Древней Руси (988), маргинализирующая историю кирилло-мефодиевской традиции на западе Балкан и в центре Европы. Сама же традиция славянских учителей в этом регионе, отчасти в силу состояния источниковой базы, чаще всего рассматривается ретроспективно – от ее подавления и угасания в XI–XII вв. ко времени ее утверждения в X в. При этом за единицу исследования принимается раннесредневековое государство (Чешское, Польское, Венгерское, Древнерусское), несмотря на то что формирование их государственной идентичности завершилось за рамками X ст.

Альтернативу этому подходу, на наш взгляд, могло бы составить представление кирилло-мефодиевского славянства (КМС) от кончины Мефодия (885) и до середины – второй половины XI в. как развивающегося сообщества, находившимся в коммуникации с другими, прежде всего церковными, сообществами. Для составлявших КМС последователей свв. Кирилла и Мефодия были характерны использование в богослужении, проповеди и требах славянского языка, а в книжности – глаголической и кириллической азбук, а также почита-

ние славянских учителей – от устного и книжного до литургического. Вводившиеся в разное время учеными термины «*Slavia Orthodoxa*» (Р. Пиккио), «*Slavia Cyrillo-Methodiana*» (Р. Марти), «*Slavia Christiana*» (В.М. Живов) (Живов 2002: 84) и др. в большей степени характеризуют культурные явления и отдельные репрезентативные для них фигуры, в то время как стоявшие за ними людские сообщества также остаются в тени.

История КМС как сообщества в центре Европы слабо и неравномерно отражена в источниках, а скудость сохранившихся памятников славянской письменности делает большинство гипотез, конкретизирующих его бытование, трудно доказуемыми. На этом фоне выделяются свидетельства второй половины X в., относящиеся к складыванию Чешского княжества при Болеславе I и Болеславе II в 930–990-х гг. X в. Деятельность ранних Пшемисловичей, отраженная в этих текстах, актуализировалась насущной задачей обоснования их прав на общечешское главенство. Активное использование кирилло-мефодиевского наследия имело место в созданных в то время житийных, гимнографических и риторических текстах на латинском и славянском языках (Христианство 2002: 190–206).

Еще при жизни св. Мефодия второе поколение КМС в лице его учеников и последователей распространилось в обширном «славянском королевстве» Святополка, которое простиралось от Среднего Подунавья и верхнего течения Эльбы и Одера до предгорий Карпат, а на юге граничило с хорватскими и болгарскими землями. Распространение КМС, утратившего после смерти св. Мефодия и прихода венгров установленное каноническое устройство, проходило здесь в противоречивом взаимодействии с епархиями и епископатом латинского обряда. Дополнительные сложности создавала политика папства, стремившегося привести церковное разнообразие в бывшем «королевстве славян» к общему каноническому порядку. Священнослужители из КМС в отсутствие канонически поставленной иерархии становились акефальными, и новые последователи могли появляться из числа местного духовенства. При этом возможны были и связи с Болгарией, откуда могли приходиться поставленные там «епископами славянского языка» клирики. Есть основания предполагать, что направленные против последователей свв. Кирилла и Мефодия гонения со стороны германского епископата и папства в сохранившихся источниках существенно преувеличены (Назаренко 2001: 65–67).

Акцентируемая в немногих дошедших до нас ранних кирилло-мефодиевских текстах тема гонений была актуализирована в произведениях, отразивших разделение Западной и Восточной церквей

в XI–XIII вв. Так, в древнерусскую книжную традицию вошел тезис о личном участии пражского архиепископа Адальберта-Войтеха в искоренении православия и кирилло-мефодиевской письменности у западных славян, отразившийся в «Сказании о русской грамоте»: «Потом же многом летом минувшем пришед Вьитех в Мораву и в Чехы и в Ляхы, раздруши веру правую и рускую грамоту отверже, а латинску веру и грамоту постави и правыя веры иконы пожъже, а епископы и попы изъсече, а другия разгна» (Живов 2002: 117). В Новое и Новейшее время тема гонений была канонизирована в историографии стран православной традиции, и ее реминисценции живы и в наши дни.

Объединение нескольких славянских земель под властью Святополка в последней четверти X в. было воспринято западноевропейскими современниками как политическая консолидация «земли славян» (*terra Slavonica*) – обширной территории к востоку от каролингских владений – и формирование «невиданной доселе славянской империи, не уступавшей по размерам Восточнофранкскому королевству». В связи с этим в близких по времени памятниках (письмо папы Стефана V, «Всемирная хроника» Регино Прюмского и др.) сам Святополк именовался королем славян (*Rex Slavorum*) (Малиновска 2017: 21–38). На деле Великоморавская держава до ее падения в 907 г. оставалась конгломератом земель с разными, в том числе языческими традициями. На ее территории сосуществовали различные церковные юрисдикции, среди которых между 871 и 885 гг. выделялась созданная папой Адрианом II (867–872) архиепископия во главе со св. Мефодием (Betti 2014).

Укрепляющееся в современной историографии мнение, что эта архиепископия представляла собой славянскую (славяноязычную?) церковную организацию, устроенную по персональному (этническому и обрядовому), а не по территориальному принципу в населенных славянами землях Центральной Европы (Пентковский 2014: 25–102), позволяет видеть в ней попытку институционализации сформированной первым поколением КМС идеи нового Божьего народа (Живов 2002: 131). Однако если в Болгарии X в. при поддержке Бориса-Михаила и Симеона КМС было интегрировано в государственную-конфессиональную «симфонию» наподобие византийской, то на территории вначале державы Святополка, а затем и княжества Пшемисловичей его взаимодействие с другими конфессиональными сообществами приняло иные формы.

Представления о них дают записи «Книги братии» бенедиктинского монастыря Райхенау на Боденском озере, относящиеся к последней трети IX в. Здесь читаются имена почившего в 869 г. св. Кирилла

Философа, св. Мефодия и нескольких клириков из его окружения, а также самого князя Святополка, нитранского епископа Вихинга и их приближенных (Verbrüderungsbuch 1979: 4–6, 53, 63, 108). Учитывая, что записи Райхенау, в том числе сделанные греческими буквами, происходят из среды духовенства латинского обряда, а славянские имена кирилло-мефодиевских сподвижников записаны вместе с немецкими, следует вслед за А.В. Назаренко предположить, что этническое происхождение клириков, их разноязычие и различные церковные обряды, которым они следовали, сами по себе противоречия среди них не вызывали. В книге отдельно записаны имена братии из славянской Карантании, а прозвище *Choranzanus* упоминается среди имен спутников Мефодия (некоторые ученые видят в нем Горазда). На наш взгляд, записи из Райхенау корреспондируют с сообщением жития св. Мефодия о панихиде, которую его ученики «латиньскы и гръчьскы и словѣньскы сътребиша» (Лавров 1930: 78). Кроме этого, монастырь, центр почитания св. Вита, был популярен в Моравии, а затем и в Праге. Ранний славянский перевод пространного латинского жития святого связан с основанием посвященного ему при Вацлаве храма в Праге (Назаренко, Турилов 2004: 574–576).

Исследователи указывают на роль основанного папой Бенедиктом VII (974–983) монастыря Свв. Алексия и Бонифация на римском холме Авентин в развитии практики сосуществования латинского и греческого богослужений в раннесредневековой Чехии. Выходцы из братии этого монастыря – сводные братья Войтех и Радим из восточночешского княжеского рода Славников – стали под именами Адальберта и Гауденция первыми архиепископами в Праге и Гнезно, заложив, таким образом, основы отдельных церковных юрисдикций в Чехии и Польше. Из этой обители вышел и Анастасий, возможно, позднее ставший архиепископом в Венгрии, где среди клира в начале XI в. были священнослужители греческого обряда (Живов 2002: 128–131; Христианство 2002: 211–230).

Основанный первым пражским архиепископом Адальбертом-Войтехом по примеру авентинской обители Бржевновский монастырь на рубеже X–XI вв. также мог быть одним из «мест встречи» кирилло-мефодиевской и местной традиций взаимодействия духовенства, придерживавшегося различных обрядов и языков. Принадлежавший к бржевновской братии иеромонах Прокопий основал при поддержке чешского князя Ольдржиха (1014–1034) Сазавский монастырь, который многие исследователи считают важнейшим центром славянской письменности в Чехии первой половины XI в. (последнее мнение оспаривается частью ученых) (Kalhous 2012: 218–219).

Свидетельства использования славянского языка в Чехии вошли и в древнейшие тексты, посвященные мученичеству св. Вячеслава (Вацлава). По славянской версии жития, князь еще в юные годы овладел не только латинской грамотой, но и славянской и греческой, причем на высоком уровне («яко же добрый епископ или поп, да аще възмаше я греческие книги или словеньския прочитае явьне без блазна») (Сказания 1970: 37, 61). В латинских текстах вацлавского цикла, где отсутствуют суперлативы образованности Вацлава, данное сведение скорее говорит о высоком статусе славянской грамотности в последней трети X в.

В то же время опыт западных клириков, ряды которых в X в. пополнялись из местного славянского населения, в распространении и утверждении среди славян Центральной Европы христианства включал известное по рукописным памятникам (Фрейзингенские листы и др.) использование местных славянских наречий для проповеди, молитв и исповедания грехов, что и в переносном, и в прямом смысле могло способствовать нахождению общего языка с последователями свв. Кирилла и Мефодия. Однако наиболее востребованным оказался престиж самих славянских учителей. Легенда о принятии первым известным по имени пражским князем Борживоем крещения от св. Мефодия и закладке в Праге храма Св. Климента стала основой легитимации государей из рода Пшемисловичей.

Среди первых текстов, засвидетельствовавших этот аспект взаимодействия между КМС и латинским клиром в Чехии, является посвященная Адальберту-Войтеху «Легенда Кристиана» – написанный его племянником один из вариантов сказания о мученичестве внука Борживоя и его жены Людмилы князя Вячеслава (Вацлава), созданная, возможно, одним из его потомков. Шедшие долгое время в науке споры о происхождении этого памятника, по-видимому, в основном исчерпаны, и можно с уверенностью датировать его концом X в. Как считает Д. Калхоус, составитель «Легенды Кристиана» имел в распоряжении некий источник, аналогичный славянским текстам, которые были использованы в летописном «Сказании о преложении книг» и в греческом житии св. Климента Охридского (Kalhous 2012: 203–206).

Вводная часть «Легенды Кристиана» повествует, что «болгары приняли [Божью благодать] еще ранее», чем Моравия, от «Кирилла, грека родом, сведущего в греческом и латинском письме». По словам Кристиана, жители Болгарии еще раньше Моравии были «удостоены этой милости». Тот же св. Кирилл, «по происхождению из греков, обученный как латинскому, так и греческому письму», который просветил болгар, пришел и в Моравию, где «перевел с греческого и латинского языков Ветхий и Новый Завет» на славянский язык

(sclawonicam linguam), а также греческую и латинскую службу, которую «до сих пор (т. е. до конца X в.) часто служат в славянских странах (in partibus Sclauorum), особенно в Болгарии (maxime in Bulgariis)» (Fontes 1872: 200–201). Кристианова легенда связывается с кирилло-мефодиевской традицией и через сведения о постройке в Левом Градце храма Св. Климента как ее распространенного маркера. В позднем списке легенды упоминается также пришедший с Мефодием и пополнивший причт храма Св. Климента священник Кайх (Fontes 1872: 203).

Особый интерес во введении «Легенды Кристиана» вызывает привязка крещения «Моравии, страны славянской (regio Sclauorum)» ко временам св. Августина, «magnifici doctoris». На наш взгляд, это «говорящая аберрация» гиппонского епископа и св. Августина Кентерберийского, чья деятельность была известна в каролингском мире из «Церковной истории англоv», сохранявшейся в многочисленных рукописях в монастырях Западной и Центральной Европы. В этом сочинении Беда Достопочтенного приводятся вопросы Августина Кентерберийского к папе Григорию I Великому (590–604) и его ответы на них. На вопрос новопоставленного епископа англоv, как следует относиться к различиям в церковных установлениях между практикой Галльской церкви, от которой Августин получил епископские полномочия, и местными обычаями, папа ответил: «Возьми в каждой церкви то, что сочтешь правильным и благочестивым, и собери это все воедино» (Беда 2003: 38, 300). Видимо, этот совет был созвучен конфессиональной обстановке в чешских землях. Одной из ее черт было использование славянского языка в богослужении и отпущении грехов и в латинском, и в греческом обрядах (Христианство 2002: 439–431).

Кристиан вкладывает в уста св. Мефодия пророчества Святополку и Борживою, которыми начинающаяся чешская история отделяется от завершенной моравской, а сам святитель становится одной из «государствообразующих» фигур Чешского государства. Историческая память о связи Пшемислов со св. Мефодием сохранялась на протяжении всего времени их правления и прочно вошла в этнополитическое сознание средневековых чехов. Первая записанная по-чешски хроника Далимила (начало XIV в.) воспроизвела эту легенду так: «Просит о крещении Борживой Святополк, короля моравского, и Мефодия, архиепископа велеградского. Тот архиепископ русином был, обедню всю по-словенски служил» (Prosí křista Bořivoj ot Svatopluka, krále moravského, a ot Metuděje, arcibiskupa velehradského. Ten arcibiskup Rusín bieše, mši u svú slovensky slúžieše) (Fontes 1882: 48).

Идентификация в хронике св. Мефодия как русина указывает еще на один аспект проблемы кирилло-мефодиевского духовенства. Не-

которые исследователи связывают термин «русин» с переселением в Чехию жителей Карпатской Руси, эмиграцией из Галицко-Волынского княжества после монгольского нашествия или с еще более поздней «валашской колонизацией», в результате чего «русинами» в словацких и чешских землях стали именовать всех православных (Суляк 2015: 267–307; Žeňuch 2015: 77–84).

Однако можно предположить и связь этого термина с одновременным распространению кирилло-мефодиевского церковного языка светского общеславянского койне, связанного с торговой деятельностью варяжских купцов (так называемой руси) в центре Европы. А.В. Назаренко указывает на упоминание торгового устава из Раффельштеттена (904/906 г.), что «купцы, приходившие в Восточную марку из Руси и из Чехии, были славянами» (*Sclavi de Rugis vel de Boemis*). Исследователь предполагает, что «уже в первой половине IX в. (восточно)славянский язык был местным койне, которым варяжские купцы пользовались также во время своих международных операций» (Назаренко 2001: 32–36). По выражению А.П. Толочко, славяноязычная русь представляла собой «фронтирный социум» в зонах взаимодействия восточных славян с арабами, Византией и западным миром (Толочко 2015: 151–158). В Праге 60-х гг. X в., хорошо известной в Киеве (сошлемся на хрестоматийное известие «Повести временных лет» о серебре и конях из Чехии), было возможно и знакомство славяноязычной руси с разрешенными в рамках западной канонической регламентации славянскими чтениями во время литургии, требами и проповедями.

Часто цитируемое сведение Ибн-Хордадбеха о том, что «купцы ар-Рус» в Багдаде пользовались услугами переводчиков из числа «сакалиба», т. е. говорили на понятном последним языке, может быть косвенно подтверждено и другими данными. В не сохранившемся сочинении о путешествии из Испании в Германию еврейского путешественника, которого пересказывающий его арабский автор XI в. называет Ибрахимом ибн-Йакубом (965) в качестве «правителей сакалиба» названы безымянный болгарский царь (видимо, Петр), польский князь Мешко I (960–992), чешский князь Болеслав I (929–967) и князь ободритов Након, т. е. государи славянских стран и народов. Более того, в этом сочинении упоминается о переводе болгарами Евангелия на язык сакалиба, т. е. язык кирилло-мефодиевской книжности отождествляется со славянским койне руси (Мишин 2002: 33–38).

Эти примеры можно сопоставить с приводимым в хронике Козьмы Пражского текстом грамоты папы Иоанна XIII (965–972) чешскому князю Болеславу II (972–999), разрешающей учреждение в Праге епископии (967) (Козьма 1962: 66). Грамота, текст которой повторяется

в хронике Саксона Анналиста, обычно считается учеными подложной из-за упоминания Руси до ее официального крещения. Понтифик повелевал устроить богослужение во вновь основанной Пражской епископии по апостолическим установлениям, а «не следующего обрядам, точнее, секте, народа Болгарии или Руси, то есть на славянском языке» (*Verumtamen non secundum ritus aut sectum Bulgariae gentis vel Ruziae aut Sclavonicae linguae*). Для этого чешскому князю предлагалось выбрать «наиболее достойного клирика, обученного прежде всего латинской грамоте» (*latinis adprime litteris eruditum*) (Fontes 1874: 36). Однако папское обращение акцентирует внимание не на государствах, а на сообществах и людях, а указание на неканоничность славянского богослужения сформулировано в достаточно осторожной (*ritus aut sectam*) форме и не содержит прямого обвинения в ереси (латинский термин «*secta*», хотя и употреблялся в значении «ересь», означал прежде всего сообщество, а не его заблуждения). Наличие среди руси христиан зафиксировано многими источниками с середины X в., на что обратил внимание считавший папское письмо достоверным Р. Пиккио (Picchio 1988/1989). Иными словами, и болгары, и русь, приходя в Прагу последней трети X в., могли найти там храмы, в обиходе которых употреблялся славянский язык. В свою очередь, отождествление руси и славянского церковного языка еще до официального принятия христианства могло стать отправной точкой именования паствы этих храмов русинами, а после разделения церквей распространить это именование на православных.

Еще одну репрезентацию расширявшегося «кирилло-мефодиевского славянства» можно видеть в тексте «Слова о похвале Богородицы Кирилла Философа», видимо, поэтапно формировавшемся в конце X–XI в. В числе мест, где славят Богородицу, в тексте названы «великий Рим», «греци» (Византия), Иерусалим, Кавказ, Южное Средиземноморье, германские земли, Италия, Моравия, Египет, а в перечень народов в процессе бытования памятника вошли болгары, сербы и хорваты, а также «русь великая, новое твое стадо» (Турилов 2011: 85–100). В этом контексте передаваемое от болгар, включенных в первую тройку списка, к другим народам «славянского языка» почитание Богоматери совмещало принадлежность к христианской общности с открытостью перечня народов «славянского языка» для дальнейшего продолжения.

Аналогичен пример сохранившейся в древнерусских списках с XIII в. молитвы Троице, в которую включено обращение к общему сонму святых Византии, Чехии, Руси и Северной Европы. Открытый перечень имен, который также может быть связан со «встречами» КМС и руси, включает Кирилла и Мефодия, Войтеха, Вячеслава, Бориса и Глеба, а

также северноевропейских святых XI в. Магнуса, Канута, Венедикта, Албана, Олафа, Ботулва и др. (Живов 2002: 91–92).

Таким образом, кирилло-мефодиевское славянство в чешских землях X в., утратив установленную при св. Мефодии иерархию, через своих последователей вписывалось в складывавшуюся церковную организацию чешских земель, принимая участие в деятельности отдельных монастырских и храмовых сообществ. В этом им способствовало латино-славянское и греческо-латинско-славянское многоязычие, которое было нормой в первом поколении учеников свв. Кирилла и Мефодия. Процесс упорядочения Римом церковной организации в центре Европы продолжался не одно столетие, первоначально оставляя существенные возможности для языкового разнообразия конфессиональных, в том числе богослужебных практик. Сохранение славянского сегмента духовенства греческого и латинского обрядов и славянской церковной практики в Чехии могло быть актуальным не только в контексте становления государственной идеологии первых Пшемисловичей, но и на фоне оттоновских планов по созданию империи как общего достояния франков, германцев, римлян и славян.

ЛИТЕРАТУРА

Беда 2003 - *Беда Достопочтенный*. Церковная история англов. СПб.: Алетей, 2003.

Живов 2002 - *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Козьма 1962 - *Козьма Пражский*. Чешская хроника. М.: Наука, 1962.

Лавров 1930 - Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

Малиновска 2017 - *Малиновска Н.* «Regnum Sclavorum» Святополка как источник средневековых славянских концепций «Склавинии» // Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. № 1. С. 21–38. DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.102

Мишин 2002 - *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М.: Ин-т востоковедения РАН; Крафт+, 2002.

Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей. М.: Языки русской культуры, 2001.

Назаренко, Турилов 2004 - *Назаренко А.В., Турилов А.А.* Вит, Модест и Крискентия // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная энциклопедия», 2004. Т. 8.

Пентковский 2014 - *Пентковский А.М.* Славянское богослужение в архиепископии святителя Мефодия // Свети Ћирило и Методије и словен-

ско писано наслеђе. 863-2013. Београд: Институт за српски језик, 2014. С. 25–102.

Сказания 1970 - Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М.: Наука, 1970.

Суляк 2015 - Суляк С.Г. Начало христианизации Карпато-Днепровской Руси // Русин. 2015. № 4 (42). С. 267–302. DOI: 10.17223/18572685/42/19

Толочко 2015 - Толочко А.П. Очерки начальной Руси. Киев; Санкт-Петербург: Лаурис, 2015.

Турилов 2011 - Турилов А.А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софийнина. История и культура славян IX–XVII вв. М.: Индрик, 2011.

Христианство 2002 - Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Betti 2014 - Betti M. The Making of Christian Moravia (858–882). Papal Power and Political Reality. Leiden; Boston: Brill, 2014

Fontes 1872 - *Fontes Rerum Bohemicarum*. Praha, Naklad Muzea Království Českého, 1872. T. I.

Fontes 1874 - *Fontes Rerum Bohemicarum*. Praha, Naklad Muzea Království Českého, 1874. T. II.

Fontes 1882 - *Fontes Rerum Bohemicarum*. Praha, Naklad Muzea Království Českého, 1882. T. III.

Kalhous 2012 - Kalhous D. Anatomy of a Duchy: the Political and Ecclesiastical Structures of Early Premyslid Bohemia. Leiden; Boston: Brill, 2012.

Picchio R. 1988/1989 - Picchio R. From Boris to Volodimer: Some Remarks on the Emergence of Proto-Orthodox Slavdom // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. P. 200–213.

Verbrüderungsbuch 1979 - Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau (Einleitung, Register, Faksimile). Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1979. (Monumenta Germaniae Historica. Libri memoriales et Necrologia, Nova series. I).

Žeňuch 2015 - Žeňuch P. K dejinám cyrilskej písomnej kultúry na Slovensku. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2015.

REFERENCES

Beda the Venerable. (2003) *Tserkovnaya istoriya anglov* [The Church History of the Angles]. St. Petersburg: Aleteyya.

Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Research in the history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Kozma of Prague. (1962) *Cheshskaya khronika* [The Czech chronicle]. Moscow: Nauka.

Lavrov, P.A. (1930) *Materialy po istorii vozniknoveniya drevneyshey slavyanskoy pis'mennosti* [Materials on the history of the origin of the ancient Slavic writing]. Leningrad: USSR AS.

Malinovska, N. (2017) Svatopluk's Regnum Sclavorum as a source of medieval Slavic concepts of Sclavinia. *Peterburgskie slavyanskie i balkanskije issledovaniya – Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1. pp. 21–38. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu19.2017.102

Mishin, D.E. (2002) *Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v rannee srednevekov'e* [Sakaliba (Slavs) in the Islamic world in the early Middle Ages]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.

Nazarenko, A.V. (2001) *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh i politicheskikh svyazey* [Old Rus on international roads. Interdisciplinary outlines of cultural, trade and political ties]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Nazarenko, A.V. & Turilov, A.A. (2004) Vit, Modest i Kriskentiya [Wit, Modest and Criscentia]. In: Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 8. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr Russkoy pravoslavnoy tserkvi "Pravoslavnaya entsiklopediya".

Pentkovskiy, A.M. (2014) Slavyanskoe bogoslužhenie v arkhiepiskopii svyatitelya Mefodiya [Slavonic Liturgy in the Archdiocese of Archbishop Methodius]. In: Radih, J. & Savih, V. (eds) *Sveti Ćirilo i Metodije i slovensko pisano nasleđe* [Saints Cyril and Methodius and Slovenian written heritage]. 863. Beograd: Institut za srpski jezik. pp. 25–102.

Korolyuk, V.D. (ed.) (1970) *Skazaniya o nachale Cheshskogo gosudarstva v drevnerusskoy pis'mennosti* [Tales on the beginning of the Czech state in Old Russian literature]. Moscow: Nauka.

Sulyak, S.G. (2015) The beginning of Christianisation of Carpatho-Dniestrovian Rus'. *Rusin*. 4(42). pp. 267–302 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/19

Tolochko, A.P. (2015) *Ocherki nachal'noy Rusi* [Essays on Primary Rus']. Kyev; St. Petersburg: Laurus.

Turilov, A.A. (2011) *Ot Kirilla Filosoфа do Konstantina Kostenetskogo i Vasiliya Sofiyanina. Istoriya i kul'tura slavyan IX–XVII vv.* [From Cyril the Philosopher to Constantine Kostenetsky and Basil the Sofian. History and culture of the Slavs in the 9th – 17th centuries]. Moscow: Indrik.

Florya, B.N. (ed.) (2002) *Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge vtorogo tysyacheletiya* [Christianity in the countries of Eastern, South-Eastern and Central Europe at the turn of the second millennium]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Betti, M. (2014) *The Making of Christian Moravia (858–882). Papal Power and Political Reality*. Leiden; Boston: Brill.

Emler, J. (ed.) (1872) *Fontes Rerum Bohemicarum*. Vol. 1. Prague: Naklad Muzea Království Českého.

Emler, J. (ed.) (1872) *Fontes Rerum Bohemicarum*. Vol. 2. Prague: Naklad Muzea Království Českého.

Emler, J. (ed.) (1882) *Fontes Rerum Bohemicarum*. Vol. 3. Prague: Naklad Muzea Království Českého.

Kalhous, D. (2012) *Anatomy of a Duchy: the Political and Ecclesiastical Structures of Early Premyslid Bohemia*. Leiden; Boston: Brill.

Picchio, R. (1988/1989) From Boris to Volodimer: Some Remarks on the Emergence of Proto-Orthodox Slavdom. *Harvard Ukrainian Studies*. 12/13. pp. 200–213.

Autenrieth, J., Geuenich, D. & Schmid, K. (eds) (1979) *Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau (Einleitung, Register, Faksimile)* [The Fraternity Book of Reichenau Abbey (introduction, index, facsimile)]. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.

Žeňuch, P. (2015) *K dejinám cyrilskej písomnej kultúry na Slovensku* [The History of Cyrillic Written Culture in Slovakia]. Nitra: University of Constantine the Philosopher in Nitra.

Полывянный Дмитрий Игоревич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета (Россия).

Dmitry Polyvyanny – Ivanovo State University (Russia).

E-mail: dipol53@mail.ru